



ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Письма изъ Франціи.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ ¹⁾.

Уважаемый друг!

Припоминаю, что я еще не подѣлилась съ Вами тою неожиданной радостью, которую получила прошлой зимою въ Марселѣ.

Выѣхали мы изъ Гренобля въ 1-хъ числахъ ноября уже по легкому морозцу,—на землѣ и деревьяхъ былъ иней,—а приѣхали въ Марсель черезъ 8 часовъ — лѣтомъ. На залитыхъ солнцемъ улицахъ пыль, бульвары въ зелени, осенніе цвѣты еще красуются въ садахъ и паркахъ.

У меня была мечта найти здѣсь наши суда, чтобъ имѣть возможность хоть отстоять всеобщую. Но ихъ не оказалось. Я потеряла всякую надежду услышать русскую службу. Заходила изрѣдка лишь въ великолѣпныя католическія храмы, гдѣ чувствовала себя чужой.

Выручилъ случай.

Сидѣла у меня разъ старушка, мать поденной портнихи. Пила чай въ первый разъ въ жизни, обжигалась и дивилась, для чего онъ такъ горячъ? Къ слову скажу, что французы пьютъ одинаково, какъ чай, такъ и ромашку или липовый цвѣтъ,—последніе два настоя даже предпочитаютъ.

Спрашиваетъ, каково привыкаю въ Марселѣ? Говорю—хорошо, только вотъ помолитесь мнѣ негдѣ. — Но здѣсь есть русская церковь.—Къ сожалѣнію нѣтъ.

— Есть, есть, увѣряетъ она. Габріэль, какая же это цер-

¹⁾ См. „Б. В.“ 1914 г., Т. I, февраль, стр. 405.

ковъ на улицѣ Великой Арміи? — Греческая, тамап.—Извините, греческая. Это не все равно? — Все равно, все равно! вскричала я, не вѣря своему счастью, и сейчасъ же попросила ее проводить меня на улицу Великой Арміи. Дѣйствительно, на углу одного изъ кварталовъ этой улицы мы увидѣли домъ церкви, отличающійся отъ прочихъ домовъ башенкой въ родѣ колокольни на крышѣ и крестомъ надъ входными дверями. Двери, къ моему огорченію, были заперты. Отъ сторожа (employé) полного, не очень привѣтливаго monsieur, въ европейской одеждѣ, но съ круглой шапочкой на головѣ, мы узнали что служба бываетъ только по праздникамъ.

Нетерпѣливо ждала я воскресенья. И вотъ, наконецъ, вошла въ православную церковь, увидѣла иконостасъ, увидѣла родные образа, услышала знакомый съ дѣтства напѣвъ — и почувствовала себя у пристани.

Опишу, какъ умѣю, эту незабвенную церковь.

Она не велика. Широкія двери изъ краснаго дерева вышаются лишь на одну ступень надъ панелью, и лѣстницъ нѣтъ. Вы входите: притворъ изящный, бѣлый, безъ живописи; освѣщается отворенными настежъ входными дверями. Противъ входа на стѣнѣ большой крестъ изъ сѣраго мрамора. На лѣво — окно въ церковь; на стеклѣ изображенъ архангелъ Михаилъ, поражающій діавола; преобладающій тонъ всего окна — красный. Далѣе — двери въ храмъ. Весною и лѣтомъ эти вторыя двери замѣняются большою малиновой занавѣсью.

Храмъ полутемный, окна помѣщены высоко и стекла въ нихъ цвѣтныя. Стѣны плотныя, высокія, ничего не видно и не слышно съ улицы; войдешь сюда и чувствуешь себя отдѣленнымъ отъ всего окружающаго: глухо, точно изъ другого міра, доносится иногда звонокъ трамвая или ревъ автомобиля. Иконостасъ низкій, иконы хорошаго православнаго письма. Образъ Спасителя поясной, у царскихъ вратъ, напоминаетъ Васнецовскій. Возлѣ краснаго окна, на аналоѣ, икона Успенія, къ которой прикладываются входящіе; передъ аналоемъ — подсвѣчникъ, всегда уставленный множественномъ свѣчъ. Кстати скажу, что цѣна на свѣчи и поминовение очень дешева; греки, вопреки своей репутаціи, здѣсь не жадны.

Въ ноябрѣ всю службу справлялъ одинъ іеромонахъ,— полный и приземистый чловѣкъ съ грубоватыми чертами лица; служилъ равнодушно. За вечерней, когда богомольцевъ немного, онъ, случалось, привалится къ косяку въ царскихъ вратахъ: по греческому уставу царскія врата очень рѣдко затворяются. За вечерней и утреней поетъ дьячокъ— тоже толстый господинъ въ шапочкѣ,— да еще два-три любителя, а за воскресной службой— хоръ, и хоръ прекрасный. Напѣвъ не нотный, а истовый, нашъ, православный, безъ всякихъ фіоритуръ. Пропусковъ за вечерней и утреней, кажется, много, потому что службы эти короче, чѣмъ у насъ. Вечерня служится въ субботу съ 4-хъ часовъ; утреня воскресная — въ 9-мъ часу, обѣдня— не выходя, все оканчивается въ половинѣ 11-го, а при архимандритѣ стало оканчиваться въ двѣнадцатомъ.

Первое время меня мучило мое непониманіе службы, спрашивала у этихъ духовныхъ. Они грубоваты, видно, что не французы, однакожъ кое что сказали, объ остальномъ я догадалась. Впрочемъ, это уже позже стала я добиваться объясненія службы; сначала я стояла передъ православнымъ иконостасомъ, передъ иконой „нашего“ Христа, видѣла священника въ „нашей“ ризѣ, слышала родные звуки и сердце трепетало только, и радовалось...

Какъ хороша эта церковь! Она настолько темна, что ряды богатыхъ незамѣтны; никому особаго вниманія, никому не выносятъ просфоръ — и всѣ равно благоговѣйны. Чувствуешь, что это храмъ Божій и ничему другому здѣсь нѣтъ мѣста. И служба... Да, небрежно служилъ іеромонахъ; да, псаломщикъ слишкомъ по долгу растягивалъ: „аанато-о-съ, аанато-о-о-съ!“.., но была въ этой службѣ какая-то внутренняя православная сущность, которая не позволяла обращать на это вниманія, покрывая собою всѣ недостатки. И до такой степени сильно было во мнѣ ощущеніе родного и своего за этой службой, что не только стоя въ храмѣ, я забывала, гдѣ я, но даже выйдя на свѣтлую и шумную улицу, въ первую минуту не могла опомниться и въ головѣ даже успѣвала мелькнуть иногда смутная мысль: „Надо теперь позаботиться о самоварѣ и пирогѣ; сберется семья!“

И тотчасъ вспомнишь: ни самовара, ни пирога, ни семьи..

Помня наизусть русскую литургію, я вскорѣ начала понимать и греческую. Какъ разъ въ это время мы познакомились съ однимъ хорошимъ человѣкомъ, секретаремъ русскаго консульства. Онъ грекъ съ примѣсю славянской крови, женатый на гречанкѣ. Чудесное семейство, отраднo ихъ вспомнить. Мосье Свиляричъ — католикъ, жена его православная; дружные супруги и вѣрующіе люди, они посѣщаютъ и католическій, и православный храмъ безразлично. Я встрѣчала мосье Свилярича въ греческой церкви и была увѣрена, что онъ православный; мадамъ Свиляричъ очень удивила меня, сказавъ, что мужъ ея—католикъ. Она это замѣтила и говоритъ:

— Что жъ такое? Всѣ—дѣти Божьи.

Знакомство наше вскорѣ перешло въ теплую дружбу. У мосье Свилярича я часто спрашивала перевода какого-нибудь начальнаго слова стихирь или эктеніи, чтобы имѣть возможность угадать остальное. Онъ всегда принимался объяснять такъ подробно, точно давалъ урокъ закона Божьяго.

Такъ я спросила о первомъ словѣ одного прошенія въ эктеніи, желая провѣрить, то ли это, что я думаю. Онъ начинаетъ съ величайшимъ усердіемъ:

— Это значитъ: приди къ намъ на помощь, защиты: человѣкъ просить у Бога заступленія, просить...

— Знаю, знаю: „заступи, спаси, помилуй и сохрани!“ А вотъ эта пѣснь? Знакомые звуки, а не могу уловить смыслъ.

— Это обращеніе къ Пресвятой Дѣвѣ: просимъ черезъ посредство Ея, черезъ ходатайство...

— Понимаю: „Молитвами Богородицы Спасе, спаси ны“.

Благодарю.

Собственно, греческая церковь находилась въ это время безъ главы. Старый архимандритъ умеръ мѣсяца два тому назадъ и на подворьѣ ждали къ Рождеству пріѣзда его замѣстителя изъ Греціи.

Прихожу я однажды къ вечернѣ и вижу: рядомъ съ псаломщикомъ на клиросѣ стоитъ монахъ. Высокій, худой, смуглый съ черными волосами, нимало не похожій на здѣшнихъ сытыхъ клириковъ. Запѣлъ. Господи, что это? Тонкій, тонкій голосъ, и какая тягучая манера, и какіе носовые звуки! Я была поражена этимъ непривычнымъ для моего слуха пѣніемъ, оно показалось мнѣ прямо непрличнымъ. Не-

возможно чтобъ это былъ новый архимандритъ! Вглядываюсь: лицо у него хорошее, доброе, и кромѣ доброты есть что-то въ этомъ лицѣ — серьезное, іерейское... Не напуская важность, а внутреннее достоинство при большей внѣшней простотѣ.

Когда вечерня кончилась, всѣ, бывшія въ церкви гречанки, подошли къ нему подѣ благословеніе.

— Какъ же онъ будетъ служить? думалось мнѣ.

Но уже на слѣдующее утро, лишь только онъ облачился, отворилъ царскія врата и далъ первый возгласъ, я поняла, что Марсельская церковь нашла своего пастыря. А когда затѣмъ архимандритъ вышелъ съ Евангеліемъ—высокій, строгій и вмѣстѣ благостный, когда въ великія минуты онъ, стоя въ царскихъ вратахъ лицомъ къ народу и воздѣвая руки, произнесъ: „Горѣ имѣмъ сердца!“ — и затѣмъ, оборачиваясь на лѣво, къ образу Спасителя, съ поклономъ добавилъ: „Благодаримъ Господа!“—когда въ концѣ службы вышелъ, опять въ царскія врата, съ проповѣдью, пламенной проповѣдью безъ книжки, безъ аналоя,—то можно было поистинѣ сказать: „На небеси стояти мнимъ“. И ужъ казалось—нельзя иначе служить, какъ этимъ тонкимъ, но яснымъ голосомъ, съ этимъ благоговѣніемъ и вмѣстѣ простотой, а главное жаромъ, нескрываемымъ жаромъ вѣрующаго сердца. Служи такъ русскій священникъ—сочли бы актерствомъ, а южная натура не можетъ иначе, это искренно и это идетъ къ ней, а души молящихся вѣдь поднимаетъ, точно на крыльяхъ!

Да, это настоящій іерархъ древняго восточнаго православія, такой типичный, точно спустился съ иконы или сейчасъ вышелъ съ Никейскаго собора.

Искусный хоръ составляетъ одно прекрасное цѣлое съ дивной службой архимандрита. Безконечно жалѣла я, что не могла понимать его вдохновенныхъ проповѣдей. Кажется, онъ убѣждалъ прихожанъ быть стойкими въ православіи.

Ко мнѣ, отчасти все-же чужой, здѣсь относились привѣтливо, только старыя гречанки съ наметками какими-то на головахъ, злобно взглядывали иногда, можетъ быть за то, что я иначе молюсь. Греки міряне почти не дѣлаютъ земныхъ и поясныхъ поклоновъ, крестятся рѣдко. Священники полагаютъ земной поклонъ за пѣсню: „Тебѣ поемъ“, и еще

при возгласѣ: „Святая Святѣмъ“. На колѣняхъ никогда не стоятъ. Садятся по временамъ во время службы — это въ обычаѣ даже у старѣхъ, набожныхъ гречанокъ, а молодыя и элегантныя, какъ и нѣкоторыя изъ мужчинъ, сидятъ на стульяхъ почти всю службу, но не становясь на колѣни на стульяхъ, какъ католики. Я-же по русскому обычаю стояла все время, дѣлала поклоны и иногда ставала на колѣни. Сперва на меня посматривали съ удивленіемъ, потомъ всѣ привыкли видѣть мою русскую фигуру у колонны.

За утренней Евангеліе не клали на аналой посреди церкви, а служащій священникъ выносилъ его на рукахъ для цѣлованія, сначала на право — мужчинамъ, потомъ на лѣво — женщинамъ. Кадя, архимандритъ подходилъ близко къ каждому человѣку, и какъ я стояла за стульями, у колонны, нѣсколько впереди его пути, то онъ всегда протягивалъ руку черезъ спину стула и кадилъ; спѣшишь, конечно, поклониться въ отвѣтъ, чтобы не затруднять его далѣе.

Онъ строго наблюдалъ за тѣмъ, чтобы міряне — вѣрѣе мірянки — не развлекались за службой разговорами, и провинившихся останавливали вслухъ (когда не служилъ), не разбирая, богачки ли это, жены и дочери вліятельныхъ фабрикантовъ, или простыя женщины. Можетъ быть, въ виду того, чтобы не утомлять вниманія, онъ выпустилъ сугубую, эктенію; эктеніи заупокойная и обѣ оглашенныхъ и до него опускались. Архимандритъ выходилъ говорить рѣчь тотчасъ послѣ чтенія Евангелія и за рѣчью сразу же слѣдовалъ возгласъ: „Яко да подѣ державою“... и херувимская. Я пожалѣла, что пропускается вся сугубая эктенія. Еще болѣе прискорбно постомъ опущеніе предпрічастныхъ молитвъ: „Вѣрую Господи и исповѣдую“... Священникъ ихъ не провозноситъ, и дальше, пока міряне причащаются, клиръ молчитъ. Исповѣдь и причащеніе бывають лишь въ Великомъ Посту: странно что въ этомъ случаѣ не перенимають, хотя бы отъ католиковъ, ихъ прекрасный обычаѣ причащаться часто.

Послѣ службы раздавались кусочки просфоръ; когда архимандритъ не служилъ, то пѣлъ на клиросѣ, — даже, если было нужно, самъ выносилъ подсвѣчникъ передъ малымъ и великимъ входомъ. Простота его истинно-христіанская. Послѣ службы онъ обыкновенно вставалъ близъ выходныхъ дверей,

здоровался и ласково разговаривалъ съ прихожанами, причемъ всё обязательно цѣловали его руку, хотя онъ рѣдко благословлялъ. Благословлять всѣхъ здѣсь не въ обычаѣ.— Да какъ такому человѣку не поцѣлуешь руки? Ничего въ немъ нѣтъ мірскаго, ни малѣйшей черты обыденности,—это горящій о Господѣ духъ.

Всю зиму прожила я при этой церкви. Въ день Рождества, когда обѣдня кончилась, меня охватило грустное чувство одиночества: не кого было поздравить и не съ кѣмъ подѣлиться впечатлѣніями родного праздника на чужбинѣ. Послѣ я узнала, что милая семья Свиляричей искала меня, чтобъ поздороваться, но я уже тогда вышла изъ церкви.

Еще помню, зашелъ разъ въ церковь простой русскій человекъ — кучеръ, что-ли, или слуга какой-то. Поставилъ свѣчку передъ Успеньемъ, приложился, и нѣсколько времени крестился и кланялся часто-часто; потомъ встряхнулъ волосами и торопливо ушелъ, куда ему было нужно...

Какъ не хотѣлось мнѣ уѣзжать въ началѣ Великаго Поста! А надо было. Передъ отъѣздомъ у меня былъ характерный разговоръ съ іеромонахомъ (архимандритъ, какъ и подобаетъ Никейскому отцу, не говорилъ по французски).

— Благословите, говорю я, батюшка; уѣзжаю.

— А! развѣ Вы не будете говѣть?

— Еслибъ я знала греческій языкъ... Но я съѣзжу на Пасху въ Женеву и поговѣю тамъ.

— Да, тамъ есть ваша церковь. Хорошо. А въ католическія не ходите и не разговаривайте съ патерами: они Васъ совратятъ.

— Ничего, я не боюсь этого.

— Нѣтъ, не надо такъ говорить. Они хитры; съ ними нельзя сходитьсь. Я, я за себя не поручусь...

— А я поручусь за себя, сказала я улыбаясь.

Тогда онъ наклонивъ голову, слегка отвернулся и чисто восточнымъ движеніемъ началъ встряхивать полу своей, рысы. Это ясно значило: какая самонадѣянность!

— Мы — боги, они — дьяволы! объявилъ онъ наконецъ, нельзя сказать, чтобы съ большой скромностью.

— Ну, что Вы! Вотъ monsieur Свиляричъ...

— Monsieur Свиляричъ—святой человекъ. Я говорю не о

мірянахъ, замѣтите: не о мірянахъ — католикахъ, а объ ихъ духовенствѣ.

Пора было ѣхать. Уже отправивъ вещи на вокзалъ, я зашла въ церковь постоять минутку, проститься съ ней. Стояла на порогѣ подъ темно-красной занавѣсью, приподнятой по сторонамъ, слушала въ послѣдній разъ дорогіе сердцу звуки греческихъ эктений и возгласовъ, и казалось, что не уйти мнѣ отсюда. Съ трудомъ рѣшилась сдвинуться съ мѣста, перекрестилась въ послѣдній разъ и вышла, покинувъ темноту храма, вмѣстѣ съ чувствомъ святости и удивленія отъ міра, всегда ощущаемымъ мною здѣсь, на улицу полную движенія, гдѣ было жарко уже въ февралѣ, и гдѣ продавали цвѣты и мороженое.

Въ Греноблѣ въ эти же дни стояла непогода: холодный вѣтеръ, слякоть, былъ даже снѣгъ. Снѣгъ шелъ недолго, но погода такъ и осталась холодною до самой шестой недѣли поста. Въ концѣ шестой я поѣхала въ Женеву.

Холодно встрѣтила меня и изящная Женева. Дулъ съ горъ пронизывающій вѣтеръ.

Иду по широкимъ панелямъ красиваго города. Просторно, расса свѣта, чистота удивительная. Вдали бѣлѣютъ снѣжныя вершины, небо синее, но... какъ было бы кстати теперь что-нибудь ватное! Сажусь въ трамвай — авось будетъ по-теплѣе. Вижу скверъ на площади, — кажется здѣсь. Выхожу и вижу направо, въ перспективѣ улицы, маленькую церковь съ золочеными главами, несомнѣнно русскую — особнякъ въ палисадничкѣ. Все хорошенькое, стильное и такое... игривое. У насъ въ Тотъмѣ точно такіе дѣлаютъ теремки рѣзные...

Вхожу. Очень свѣтло въ церкви, церковь высокая, иконостасъ, сравнительно, низкій. Надъ иконостасомъ стѣна голая, никакого изображенія, ни орнаментовъ. Въ иконостасѣ образа очевидно дорогіе, но не русскаго, а скорѣе латинскаго письма. За свѣчнымъ ящикомъ — полная барыня; по всей церкви разставлены стулья съ билетиками, чей стулъ. Но можно и стоять тѣмъ, кто желаетъ; мѣста довольно. Пришелъ батюшка въ рясѣ, дородный, съ волосами подстриженными по купечески, въ скобку. Діаконъ, въ пальто и брюкахъ, совсѣмъ уже коротко остриженный, прошелъ на клиросъ и заговорилъ съ клирошанками по французски. Онъ

рѣдко служить, больше управляетъ хоромъ; голосъ у него превосходный, только это „господинъ“, а не діаконъ. Ничего похожаго на русскаго Ахиллу, размашистаго, веселаго, мимоходомъ наклоняющагося поцѣловать образъ по собственному побужденію, по чувству простодушной вѣры, ибо кто жь бы его заставлялъ это дѣлать? Здѣшній діаконъ недовольный, скучный; презирающій традиціи. Кромѣ діакона, есть еще одинъ сторожъ изъ мужчинъ. Есть и второй священникъ, маленькій, съ бойкими глазами, студентъ Женевскаго университета. Одѣтъ и остриженъ по свѣтски.

Начали собираться богомольцы. Все люди важные, расхаживали по церкви, какъ дома, съ продавщицей свѣчь всѣ по-пріятельски. Дамскій элементъ. Богатыя,—сообразно этому и цѣна за свѣчи и поминовеніе тройная противъ той, что принята въ Марселѣ.

Началась обѣдня. Служилъ настоятель неразборчиво и, какъ мнѣ показалось, слащаво. При этомъ все становился на колѣни. Это такъ напоминаетъ католическаго патера, но патерь умѣетъ и на колѣняхъ стоять изящно...

Однимъ словомъ, на меня напало искушеніе. Представляю себѣ, какъ Вы неодобрительно качаете головой, читая это. Я сама была тяжело удивлена, не ждала ничего подобнаго. Пріѣхала я съ горячимъ сердцемъ и хотѣла говѣть. Я слышала, что настоятеля здѣшняго очень любятъ русскіе. Заслуги его велики, у него организовано приходское общество благотворенія. Въ службы онъ простъ, любезенъ и тактиченъ въ щекотливыхъ дѣлахъ. Но что жь дѣлать. Я чувствовала себя, какъ въ салонѣ. Мысль говѣть—тутъ отошла далеко.

На другой день служилъ младшій священникъ. Онъ приносилъ ектеніи и возгласы отчетливѣе и съ большимъ достоинствомъ, но въ его манерѣ держаться и служить ясно виденъ свѣтскій молодой человекъ.

Церковь уютна, тепла, даже красива, но какъ-то холодно, душѣ холодно здѣсь. Свѣтло уже очень, обыденно; такъ мало уносящаго горѣ, мистики, что-ли! Несмотря на искреннее желаніе, я не могла ни сосредоточиться, ни забыться.

За всенощной церковь была полна. Были важные господа и дамы, были и попроче, пришло нѣсколько грековъ и болгаръ. У стѣны сзади стояли какіе-то русскіе студенты или

рабочіе; постоятъ, не крестясь, обмѣняются нѣсколькими замѣчаніями и уйдутъ. Заходили дѣвушки курсистки, но ненадолго. Я спросила послѣ у діакона: есть ли вѣрующіе, изъ множества молодежи, учащейся здѣсь? Говорить: есть, но мало.—Все-таки есть; и за то слава Богу.

Вербы употребляются такія же, какъ у католиковъ, —вѣтки вѣчно-зеленаго кустарника бюи, листья котораго похожи на листочки брусничника. Много и цвѣтовъ было на аналоѣ.

Въ Вербное Воскресенье стояла я за обѣдней и старалась убѣдить себя, что я безумствую, что не мое дѣло судить, а надо молиться, пользоваться тѣмъ, что понимаю службу. Да, я понимала, и все было хорошо, служилъ діаконъ и говорилъ эктеніи прекрасно, служили вполне прилично священники, и хоръ пѣлъ недурно, и церковь была хорошо освѣщена,—а у меня на сердцѣ лежало тяжелое равнодушіе. И чувствовала, что такъ невозможно.

Для грековъ здѣшнихъ одна эктенія читается на ихъ языкѣ, и послѣ Евангелія хоръ поетъ: „докса Си, Кирие, докса Си“. Но какъ это вышло слабо, безъ выраженія! Тотъ же языкъ, но гдѣ сила, гдѣ пламенное чувство?

Еще горче мнѣ стало, и вдругъ пришла въ голову мысль: „Душа моя ранена высокимъ православіемъ греческой церкви, и эта сладкая рана не заживаетъ“.

И это было не фразой для меня, — я глубоко сознавала это...

Въ смущеніи чувствъ, не дождавшись Свѣтлаго Праздника, я возвратилась въ свое постоянное мѣстопробываніе. Позже спросила одного опытнаго русскаго человѣка: „Не понимаю, почему мнѣ такъ чуждо показалось въ Женевской церкви?“

— Это, отвѣчалъ онъ, все церкви безъ народа. Одни аристократы. Ужъ безъ народа какая церковь! И большая часть заграничныхъ—такія. А въ Парижской церкви есть народъ, какіе-то русскіе изъ бѣднаго класса. И молиться тамъ легко.

Привожу его слова, не ручаясь за вѣрность его взгляда.

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Отчетъ мой Вамъ о пережитомъ и видѣнномъ въ Марселѣ былъ бы далеко не полонъ, еслибъ я умолчала о глубокихъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ оттуда, независимо отъ тѣхъ, которыя оставила во мнѣ греческая церковь.

Еще когда я собиралась ѣхать, знакомыя французенки говорили: „Вы увидите Notre Dame de la Garde—Богородицу на стражѣ,—Хранительницу моряковъ!—Смотрите, побывайте въ Notre Dame; не побываете, будете жалѣть.—Жить въ Марсель и не съѣздить къ Notre Dame de la Garde—невозможно“.

Они были совершенно правы.

Но есть въ этой бывшей Массилии другая святыня, общехристианская, о которой немногіе изъ путешественниковъ даже знаютъ, и которая, по моему мнѣнію, еще больше говорить сердцу, чѣмъ удивительная Notre Dame de la Garde. Это крипта съ характеромъ катакомбъ, и пещерная церковь, вырытая глубоко подъ землею, вся изъ камня и въ камнѣ, сырой и темный подвалъ, гдѣ служилъ первый епископъ Массилій, святой Лазарь.

Однако, буду рассказывать по порядку.

Послѣ кокетливо-чистаго Гренобля, въ Марсель поражаетъ скученность домовъ и грязь улицъ. То-есть, не грязь собственно, а соръ, валяющійся на панеляхъ, и отбросы, окаймляющіе ихъ по утрамъ въ видѣ гирляндъ. Въ глаза бросается также вѣчная суета торговаго города и неизящный видъ утренней толпы. Первое впечатлѣніе нельзя назвать пріятнымъ.

Уже послѣ, взглянувъ, вы начинаете цѣнить Марсель. Замѣчаете множество прекрасныхъ бульваровъ, оригинальность города, дистанція огромнаго размѣра всѣхъ его частей и дешевизну трамваевъ. Но главная прелесть Марселя, по моему, это скульптура. На перекресткахъ, въ садахъ, на бульварахъ, вездѣ вы видите изящныя скульптурныя группы надъ фонтанами и художественныя памятники. Въ центрѣ города есть два параллельныхъ бульвара, которые въ концѣ сливаются широкимъ угломъ противъ большой готической церкви. S. Vincent des Réformés. Почему „des Réformés“, я не могла узнать, а церковь—католическая. Двѣ остроконечныя башни, огромныя, одѣтыя каменнымъ кружевомъ—это внѣшній видъ, а внутри—сырость, тьма и непомерная высота сводовъ. На концѣ двухъ соединенныхъ бульваровъ—площадка, окруженная платанами, гдѣ стоитъ памятникъ „Дѣтямъ Устьева Роны“ (aux enfants des Bouches du Rhône), погибшимъ въ войну съ Германіей.

Чудный памятникъ. Статуя Франціи съ мечемъ въ протянутой рукѣ стоитъ на верху широкой колонны, а вокругъ колонны—эти дѣти Роны, погибающіе и рвущіеся въ бой. У кого голова перевязана, у кого—рука; иной уже паль, а товарищъ подхватываетъ его ружье. Одинъ стрѣляетъ, стоя на колѣнѣ. Молодая, похудѣвшія лица горятъ отвагой и гнѣвомъ. Позы порывистыя. Смотришь, и вспоминаешь—хотя въ другомъ родѣ—картину Верещагина: „Сдавайтесь!—Убирайтесь къ ч.....!“ Думаешь: да, эти тоже не сдадутся!

Не нравится нѣмцамъ экскурсантамъ этотъ памятникъ. Очень не нравится. Пожимаютъ плечами...

Отъ другого конца бульваровъ начинается улица Canebière, гордость Марсельцевъ. Здѣсь самые роскошные магазины, кафе, зданіе биржи. Канебьеръ ведетъ къ старому порту. На Канебьеръ выходятъ справа и слѣва другія богатія торговыя улицы; изъ нихъ rue de Rome тянется такъ далеко, что кажется, перспективѣ этой и конца нѣтъ. Но конецъ улицѣ есть, и именно тамъ, гдѣ она почти вплотъ подходитъ къ скалѣ, на вершинѣ которой стоитъ Notre Dame de la Garde и „крѣпость святилища“.

Старый портъ—это узкій, вдавшійся въ городскія зданія и улицы, заливъ. Площадь передъ нимъ, которою кончается Канебьеръ, всегда оживлена, а иногда буквально кипитъ самымъ разнообразнымъ людомъ.

Въ концѣ узкаго этого залива, тамъ, гдѣ онъ переходитъ въ море (собственно въ другой широкой заливъ, открывающійся въ море) устроенъ электрической паромъ, перевозъ черезъ устье порта, похожій на гигантскія качели. Отсюда берега расходятся вправо и влѣво. Направо первыми стоятъ тяжелыя башни тюрьмы; на плоской крышѣ иногда видны гуляющіе узники; туда отпускать на прогулку безопасно. Еще правѣе по низкому берегу—новый портъ. Море покрыто парусами, приходятъ и отходятъ большіе дымящіе пароходы. Недалеко отъ берега, на возвышенной площадкѣ стоитъ соборъ смѣшаннаго, византійско-готическаго стиля.

Съ другой же стороны, налѣво отъ перевоза и устья залива, по берегу тянутся невысокіе, желтые, подрытые утесы, а по нимъ расположены, кое-гдѣ прерываясь, каменныя и земляныя укрѣпленія. На самой возвышенной и крутой изъ этихъ скалъ—очаровательная церковь Богородицы, храни-

тельницы моряковъ, *святѣлище*, какъ говорятъ Марсельцы. При ней крѣпость. Нѣсколько далѣе—акваріумъ, на выступѣ утеса. И наконецъ, мостъ, у пролетовъ котораго уже пѣнится прибой.

Съ этого мѣста открывается великолѣпный видъ на море, и начинается Корнишь, аристократическая, приморская часть города съ виллами и садами. Гораздо далѣе, на самомъ концѣ ея, расположенъ обширный паркъ съ музеемъ Борелли.

Пользуясь хорошей погодой, мы осмотрѣли соборъ, парки и музеи.

Соборъ—новой постройки, обширенъ. Громада его возвышается на ровномъ плато надъ берегомъ новаго порта, но плато недостаточно возвышается надъ портомъ, такъ что соборъ видѣнъ издали лишь со стороны моря.

Около собора—цѣлый отдѣльный мірокъ. На широкой площадкѣ, усыпанной пескомъ, огороженной балюстрадомъ, играютъ дѣти; взрослые гуляютъ, любуются видомъ на заливъ. Соборъ облицованъ снаружи мраморомъ, весь въ поперечныхъ полосахъ, темныхъ и свѣтлыхъ. Круглыя башенки на крышѣ показываютъ не готическій характеръ зданія. Порталь—тоже греческій. Надъ главною входною дверью изображенія святыхъ и орнаменты замѣчательной мозаичной работы. Дверь эта отворяется лишь въ торжественныхъ случаяхъ.

Тутъ же, рядомъ, вы видите остатки прежняго собора или капеллы, очень уже небольшія, но древнія, съ характерными барельефными изображеніями на каменной стѣнѣ, полустертymi временемъ. Кое-гдѣ выступаетъ лицо античнаго типа, или цвѣтокъ, примитивно-декадентскій, или агнецъ. Низкія, тяжелыя двери, узкія окна съ рѣшетками. Далѣе стоитъ памятникъ епископу Бельзунсъ (Belsunce), самоотверженно ухаживавшему за больными во время чумы.

Войдя во внутренность собора, вы сразу теряетесь, такъ онъ великъ. Все мраморъ разныхъ сортовъ и тоновъ; блестящая и вѣжная мозаика, синяя съ краснымъ по золоту, украшаетъ лишь хоры и алтарь. Алтарь возвышенъ и отдѣленъ массивною рѣшеткой бѣлаго мрамора; къ ней ведутъ мраморныя же ступени во всю ширину церкви. Изъ узкихъ оконъ эффектно падаетъ сверху желтый свѣтъ на бѣлыя

плиты пола. Окно много и въ храмъ свѣтло. Главный алтарь—это нѣчто волшебное по красотѣ и высокой простотѣ отдѣлки. Рѣзкаго ничего: и золото и синяя мозаика, кое-гдѣ оживленная красными тонами. Позади большого алтаря расположены полукругомъ еще двѣнадцать маленькихъ открытыхъ придѣловъ съ алтарями въ честь апостоловъ. Вдоль главнаго срединнаго помѣщенія для молящихся идутъ боковыя съ обѣихъ сторонъ, длинныя, какъ галереи, съ переплетающимися вверху узкими сводами; получается впечатлѣніе: лѣса. Въ средней части церкви находится особопочитаемый небольшой алтарь въ честь Богородицы. Тутъ всегда есть молящіеся, много цвѣтовъ и свѣчь, и нѣсколько иконъ похожихъ на греческія. Кромѣ этого—нигдѣ картинъ и образовъ нѣтъ;—однѣ статуи.

Въ общемъ, храмъ этотъ—чудо высокаго искусства, но не трогаетъ душу. Осматриваешь его, какъ музей. Наоборотъ, въ музеяхъ здѣсь часто встрѣчаются предметы, вызывающіе христіанскія чувства. Таковы древнія иконы, иногда византійскаго письма, а у Борелли—еще и гробницы, стоявшія ранѣе надъ тѣлами мучениковъ.

Ихъ нѣсколько. Есть гладкія, лишь съ надписью на верхней доскѣ; это самыя раннія христіанскія гробницы. Позднѣйшія украшены по бокамъ рельефными изображеніями святыхъ и сценами изъ Новаго Завѣта. Особенно хороши двѣ изъ нихъ, перенесенныя сюда во время великой революціи изъ подземной церкви бывшаго Аббатства, что теперь называется *église S. Victor*.

У Борелли много памятниковъ египетской и римской древности. Интересны еще статуи святыхъ, а также царей и царицъ отъ первыхъ вѣковъ христіанства. Такія есть въ музей Александра III-го, но цвѣтныя, а тамъ бѣлыя и лучше. Тѣла вытянутыя, длинныя, ровныя вездѣ, даже одежда расположена такъ, чтобъ не нарушала впечатлѣнія колонны. Я люблю эти статуи: лица такія правильныя, спокойныя, и такъ они величественны и не похожи на живыхъ людей!

Замѣтила я на каменной доскѣ рельефное изображеніе какого-то пророка съ открытою головою, но въ мантии и съ арфой въ рукахъ. И странно: точно такую фигуру видѣла я ранѣе на иконѣ въ одной изъ нашихъ сѣверныхъ церквей. Нога у пророка какъ-то особенно согнута въ колѣнѣ. Можетъ

быть это царь Давидъ передъ ковчегомъ? Такая поза на барельефѣ и такая же на иконѣ, писаной когда-то по золоту: пятно золота ярче на колѣнѣ согнутой ноги, гдѣ ткань должна быть натянута. Вообще здѣсь во многомъ замѣтна старинная связь съ Востокомъ; недаромъ Массилія была вначалѣ греческою колоніей.

Другой музей, лучшій, называется дворцомъ Лоншанъ (Longchamp) и стоитъ въ центрѣ города на крутомъ холмѣ. Не буду говорить о скульптурной отдѣлкѣ и красотѣ дворца: зданіе это само по себѣ—chef d'oeuvre.

Въ правой половинѣ музея помѣщаются богатѣйшія естественно-историческія коллекціи. Особенно интересны переходныя формы отъ животныхъ къ растеніямъ. Вотъ морскіе ежи. Сначала это круглый волосатый комочекъ; затѣмъ комочки дѣлаются покрупнѣе, черные волоса на нихъ жестче; потомъ—это шарикъ, обросшій твердыми иглами, какъ нашъ ежъ; далѣе—шарикъ остановился въ ростѣ, сплюснулся и его иглы обращаются въ тонкія, круглыя палочки; потомъ уже вы видите палочки розовыя, рѣдкія и плоскія, и наконецъ передъ вами—красныя вѣтки какого-то страннаго морского растенія. Изъ шарика,—бывшаго тѣломъ ежа, образовался корень.

Дивны дѣла Твои, Господи!

Въ верхнемъ этажѣ другой половины дворца помѣщаются картины разныхъ школъ и произведенія керамики; въ нижнемъ этажѣ—скульптура. Сюда-то меня и тянуло постоянно.

Здѣсь одна большая зала и двѣ боковыхъ; въ одной изъ послѣднихъ стоитъ оригиналь „Памятника мертвымъ“ (что на кладбищѣ Père Lachaise), занимая всю невысокую стѣну въ глубинѣ. Въ другой боковой залѣ—произведенія одного Puget. Онѣ, вѣроятно, очень хороши, не знаю. Мнѣ онѣ ничего не говорятъ. Я не художественный критикъ и пишу Вамъ лишь о томъ, что лично мнѣ доставило наслажденіе, но, какъ нарочно, мнѣ нравится больше всего не то, что считается гвоздемъ здѣсь. Изъ „гвоздей“ неподражаемо хорошъ и наводитъ на глубокія мысли одинъ лишь Памятникъ мертвымъ; вѣрнѣе было бы назвать: Врата вѣчности. Какъ тайна смерти является здѣсь воочию! Какъ трогательны эти вереницы людей, приближающихся къ загадочнымъ вра-

тамъ, кто со страхомъ и отчаяніемъ, кто—съ молитвой, кто—съ покорностью судьбѣ; иные прощаются нѣжно съ дорогими людьми, другіе идутъ съ ними объ руку... Смерть и любовь, И эта любовь передъ лицомъ смерти—чистѣйшее сокровище! Сила духа, а не страсть, столь усердно восхваляемая нынѣ... Ясно, что это самое и хотѣлъ выразить художникъ:

„Весь мой пылъ, всѣ мысли и стремленья
„Я залью волной рѣки забвенья,
„Только не мою любовь“!

(Шиллеръ)

Въ большой залѣ есть три-четыре барельефа, передъ которыми я подолгу стояла. Одинъ изъ нихъ подписанъ: *Гроза*. На бѣлой доскѣ сверху рѣзкія полосы дождя, косыя: дождь съ вѣтромъ. Какъ онъ хлещетъ! Сильный пожилой пастухъ идетъ ускоренными шагами подъ дождемъ. Онъ несетъ обмокшаго ягненка, прижимая его къ себѣ покровительственнымъ жестомъ. Видъ у ягненка спокойный, глупый, тонкія ножки беспомощно свѣсились. Другою рукой пастухъ придерживаетъ свою войлочную шляпу, которую срываетъ вѣтеръ, а самъ тревожно оглядывается вверхъ—можетъ быть, на молнію. Его лицо—энергичное, чисто-французское, съ острой бородкой. На немъ шкура привязанная черезъ плечо ремнемъ; вѣтеръ рветъ ее съ плечъ. Сколько движенія въ этомъ барельефѣ! И вѣтеръ рветъ, и дождь хлещетъ, и пастухъ крупно, поспѣшно шагаетъ, отходя отъ грозы. А за его ногами, на половину сливаясь съ доской, видна собака. Рельефна, собственно, только голова ея—понурая косматая голова умнаго животного, которое терпѣливо, шагъ за шагомъ, идетъ, возлѣ хозяина, даже не оглядываясь на бурю.

А вотъ еще пастухъ, но, представьте, русскій. Нѣтъ, это даже не пастухъ, а обстоятельный, трудовой русскій мужичокъ, переодѣлся древнимъ итальянскимъ пастухомъ и стоитъ, задумавшись. Вы видали такого, и я его знала, но не вспомню, гдѣ. Онъ худощавый, не очень высокій, волосы подстрижены по русски и обвязаны по лбу ремешкомъ. Онъ стоитъ у скалы, совсѣмъ выдѣляясь изъ доски, и опершись всѣмъ тѣломъ на костыль, смотритъ вдаль, на море. Море широко разстилается за скалой—оно означено легкими, чуть замѣтными чертами—рябью на водѣ. Чѣмъ выше—тѣмъ

эти черты слабѣе и незамѣтнѣе: видишь передъ собой уходящую даль моря. И тамъ, въ этой дали—парусъ. Кто-то уѣхалъ, кого пастухъ провожаетъ взглядомъ. На самомъ краю барельефа, на томъ выдѣляющемся кускѣ земли, на которомъ стоитъ пастухъ, спитъ собака у ногъ хозяина, свѣсивъ переднія лапы. Но пастухъ этотъ удивителенъ. Даже поза у него обычная для русскаго крестьянина: навалился всей верхней частью тѣла на палку, и выражение лица простое, чуть-чуть грустное.

Еще милѣе небольшой барельефъ, затерянный на стѣнѣ среди другихъ, болѣе важныхъ: бабушка, повязанная платкомъ, учить мальчика-внучка молиться. Она собственно не учитъ, а слѣдитъ за его молитвой съ такимъ любящимъ, теплымъ взглядомъ! Сидятъ они другъ противъ друга. Онъ приложилъ пальцы ко лбу и крестится старательно, серьезно, не спѣша, поднося къ небу глазенки изъ подъ нахмуренныхъ отъ усердія бровей. Онъ въ одной рубашкѣ и бабушка поддерживаетъ его голую руку. Мальчику года три—четыре; онъ великъ ростомъ, но еще совсѣмъ дитя; сидитъ на высокомъ стулѣ и ножки его, такія длинныя, ребячьи, неровно висятъ, носками внутрь. Бабушка—худенькая, кроткая, съ яснымъ лицомъ и душой, не сводитъ съ него глазъ: ужъ очень она счастлива, что у нея такой славный мальчуганъ и такъ хорошо молится! Ничего въ этихъ фигурахъ нѣтъ специально-французскаго, одно общечеловѣческое. Такая святая чистота въ лицѣ ребенка и столько радостной кротости и ласки въ сморщенномъ старушечьемъ лицѣ, что такъ бы и унесъ съ собой навсегда эти прелестные образы... поневолѣ въ одномъ воображеніи, такъ какъ ни съ одного изъ являющихся мнѣ барельефовъ не продается снимковъ. Жаль и досадно!

Есть тамъ еще—не барельефъ, а скульптурная группа,—но о ней надо говорить съ инымъ чувствомъ, съ инымъ тономъ. Мѣсто этой группѣ въ церкви, а не въ музеѣ. Склоняться въ молитвѣ хотѣлось бы передъ этимъ произведеніемъ—и плакать!

Это—Спаситель, упавшій подъ тяжестью креста. Тѣло Его, покрытое обычной одеждой, прекрасно, въ немъ нѣтъ никакой болѣзненной худобы, это—благородное тѣло Краснѣйшаго изъ сыновъ человѣческихъ. Но силы Его оставили;

никогда я не видала на человѣческомъ лицѣ столько страданій. Онъ поднималъ угасающій кроткій взоръ къ св. Вероникѣ, которая стоитъ на колѣняхъ, и склонивъ свое тонкое, строгое лицо, поддерживаешь Его. Она молчитъ; она вся—благоговѣйное состраданіе. А Онъ... уже не можетъ говорить. Смерть близка. Этого, вѣроятно, и не желалъ выразить художникъ, но это выражено. Въ лицѣ Его такой предѣлъ муки, котораго нельзя долѣе выносить. Губы Его полуоткрыты, глаза отуманены... Онъ не встанетъ. Этотъ кроткій, какъ-будто жалобный взглядъ—последній.

Кто видѣлъ разъ эту группу—сердцемъ видѣлъ,—тотъ никогда ее не забудетъ. Много надо было любить Господа, чтобъ создать это!

Кончаю. Больше не хочется говорить ни о чемъ.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

Продолжаю.

На желтомъ прибрежномъ утесѣ стоитъ знаменитая Notre Dame de la Garde. Золоченая статуя Богоматери надъ башней храма издали видна морякамъ, какъ символъ спасенія и надежды. Скала крутая, и въ ясный день эта стройная церковь вырѣзывается на синемъ небѣ, высоко надъ городомъ въ прозрачномъ морскомъ туманѣ, какъ сіяющее и нѣжное видѣніе. Ее здѣсь горячо почитаютъ. Короткая улица, что ведетъ отъ rue de Rome къ подножію скалы, называется le fort du sanctuaire—крѣпость святилища, потому что за церковью, пониже ея, стоитъ крѣпость. По обѣимъ сторонамъ этого переулка сидятъ торговки съ восковыми свѣчами на лоткахъ.

Существуетъ подъемная машина, но мы предпочитали всходить на гору пѣшкомъ. Дорога идетъ лишь до половины горы; отсюда—каменная лѣстница вверхъ, до площадки; такая же ведетъ на эту площадку съ другой стороны. Съ площадки уже одна короткая лѣстница до вершины, гдѣ стоитъ церковь. И не знаешь, чѣмъ любоваться: церковью ли, съ ея открытымъ входомъ и мозаичнымъ ликомъ Богородицы на фронтонѣ, или роскошнымъ видомъ на городъ и море. Огромный городъ разстилается у васъ подъ ногами; по всѣмъ направленіямъ, въ красивомъ безпорядкѣ, разбросаны дома съ черными и красными крышами, неровные ряды оконъ,

этихъ странныхъ нерусскихъ оконъ, кое гдѣ сады, темно-матовая зелень *pins parasols*, а рядомъ—лазурная ширь моря, вся усѣянная бѣлыми крыльями парусовъ.

Церковь одинока на своей обрывистой скалѣ, узкая, высокая, но небольшая. Двери ея—всегда настежь, ежели нѣтъ мистралья.

Направо отъ входа—четвероугольный подсвѣчникъ переполненъ горящими свѣчами все время, точно неугасающій костеръ, передъ образомъ Спасителя. На алтарѣ статуя Богородицы въ человѣческой ростъ—вся серебряная; надъ алтаремъ, въ полукругломъ углубленіи, гдѣ у насъ пишутъ иногда Тайную Вечерю, здѣсь изображенъ корабль въ бурю. Маленькія модели кораблей—даръ моряковъ—подвѣшены рядами къ потолку; стѣны покрыты мраморными дощечками съ надписью: „благодарность Пресвятой Дѣвѣ (*Hommage de reconnaissance*) за исцѣленіе или спасеніе на морѣ.

Скажу Вамъ: когда я вошла, меня, вмѣстѣ съ запахомъ ладана, охватило съ необычайною силой чувство благоговѣнія, ощущеніе святости этого мѣста, святости людскаго горя, людскихъ слезъ и вздоховъ, радостной благодарности и горячихъ молитвъ, вѣками изливавшихся здѣсь, которыми наполнена, кажется, самая атмосфера этого храма.

Я не знаю, старинная ли церковь *Notre Dame*; она не похожа на старыя, строгіе храмы съ голыми стѣнами, но и современнаго въ ней ничего нѣтъ, она какъ-то внѣ времени. Вся, какъ драгоценный камень, играющій переливами.

Мозаика самая причудливая покрываетъ сплошь верхнюю часть стѣнъ, своды и потолокъ храма. Что за арабски, какая ненаглядная красота, какое богатство фантазіи! Разнообразіе красокъ, сила и блескъ ихъ, обиліе золота, расположеннаго съ изяществомъ въ орнаментахъ; восточная пестрота, но во всемъ преобладаетъ основной тонъ—зеленовато-синій, цвѣта морской воды. Стекла того же цвѣта, такъ что свѣтъ отъ оконъ зеленоватый. Въ этомъ направленіи все выдержано: массивныя серебряныя паникадила висятъ на цѣпочкахъ какъ наши, но цѣпочки пристегнуты къ паникадилу серебряными *якорями*.

Какъ оригинально изображеніе накренившагося корабля на синихъ мозаичныхъ волнахъ надъ алтаремъ! Кругомъ—на золотомъ фонѣ—павлины съ длинными и блестящими

хвостами, еще какія-то фантастическія птицы, красиво переплетаются зеленыя вѣтви—все мозаика. На стѣнахъ есть картины, изображающія спасеніе на морѣ. Замѣтила я на потолкѣ, среди прочей мозаики, нѣсколько золотыхъ круговъ (въ родѣ спасательныхъ) съ греческими надписями; опять намекъ на давнее единство вѣры!

Стульевъ здѣсь нѣтъ, а скамьи съ широкими подножками. Въ церкви мы каждый разъ встрѣчали туристовъ: бродятъ, осматриваютъ равнодушно, — и тутъ же аббатъ какой-то стоитъ на колѣняхъ, молится, а дальше простая женщина съ загрубѣлымъ, крупнымъ лицомъ плачетъ, тоже на колѣняхъ. Мы шли, другіе шли, смотрѣли на нее; она никого не видитъ: она сжала руки у груди, впицась глазами въ алтарь, и слезы ея льются, не переставая... Кто у ней въ плаваніи, мужъ или сынъ? Боленъ, можетъ быть, тамъ, на чужбинѣ? Или дочь умираетъ, любимая?..

Внизу есть крипта: ничѣмъ особеннымъ не замѣчательна: тоже модели кораблей вездѣ. Ходятъ и вверхъ, на башню, даже внутри золоченой статуи есть лѣстницы, по которымъ поднимаются до головы ея, вѣдь она громадна. Мы туда не ходили. Полюбовались мы четырьмя маленькими ковчегами, украшающими боковые алтари; это какъ бы сцена изъ ветхаго завѣта: евреи левиты несутъ ковчегъ; все это артистически сдѣлано изъ золота. Тонкая, художественная работа. Серебряная статуя Богоматери—хуже, и главное, что мнѣ не понравилось,—одежда на ней неподобающая: юбка въ складкахъ и кружевная накидка, спускающаяся съ головы по плечамъ—все изъ серебра же, тѣмъ не менѣе намъ, православнымъ, непріятно это видѣть.

На горѣ, у церкви, монахини торгуютъ четками и образками.

Возвращаясь, сошли мы по лѣстницѣ, противоположной той, которою поднимались; тутъ гора не идетъ болѣе книзу, а тянется почти на одномъ уровнѣ на протяженіи недлинной улицы до небольшого и мрачноватаго училища для глухонѣмыхъ, и затѣмъ круто спускается надъ бульваромъ. На склонѣ разбитъ красивый садъ имени скульптора Пюже, мѣстность здѣсь аристократическая. На улицахъ около бульвара находятся дома разныхъ консульствъ, и надо съ грустью признать, что помѣщеніе русскаго несравненно меньше и хуже всѣхъ прочихъ.

Въ консульствѣ и по близости его почти всегда можно встрѣтить соотечественниковъ, но обрадоваться этой встрѣчѣ трудно. Это все—русскіе подданные, иногда не умѣющие говорить по русски. Откуда ихъ взялось столько? Бѣднота вопіющая, опорки на ногахъ. Идутъ они въ Марсель въ надеждѣ найти заработокъ на судахъ. Напрасно: всю работу здѣсь отбили такіе же бѣдняки итальянцы,—и вотъ эти голодные ломятся въ двери консульства, требуя помощи и билетовъ на проѣздъ дальше. Въ консульствѣ полагается выдавать лишь по 2 франка на человѣка. Конечно,—ропотъ. Слышится совсѣмъ уже не европейское восклицаніе „жрать хотимъ!“ Иные убѣждаютъ: „Вы должны намъ дать денегъ, вѣдь мы въ васъ не стрѣляемъ, просимъ честию“... Если консулъ тутъ, онъ даетъ имъ изъ своего кошелька, и всѣ они, удовлетворенные и неудовлетворенные, проваливаются въ Ниццу, гдѣ помощь русскимъ бѣднякамъ организована широко.

Въ Марселѣ, какъ и вездѣ, французы, съ которыми намъ пришлось имѣть дѣло, отнеслись къ намъ дружелюбно и участливо. Вскорѣ появилось шапочное знакомство съ окружающимъ торговымъ людомъ—улыбки, кивки, шутки, въ которыя французы вкладываютъ много сердечности, показной, быть можетъ, но тѣмъ не менѣе пріятной. Какъ эта любезная вѣжливость облегчаетъ жизнь! И право, въ ней есть много дѣйствительной доброты. Напримѣръ, какъ часто приходится спрашивать у французовъ дорогу, и они всегда считаютъ долгомъ даже оторваться отъ своего дѣла, чтобы объяснить Вамъ и объяснить только, да еще на крыльцо лавки выйдетъ иной посмотрѣть, туда ли идете, куда вамъ нужно. Неужели это не доброта?

Мы только что собрались побывать въ окрестностяхъ Марселя, какъ вдругъ погода измѣнилась: поднялся вѣтеръ, да какой! *Мистраль*. Тутъ уже стало не до прогулокъ. Не то что ѣхать, а прямо не знали, гдѣ бы намъ отогрѣться и дома.

Въ квартирѣ нашей свистѣло и дуло: видно было дыханіе. Мы слѣшили покупать ватную тесьму, которую здѣсь прибиваютъ къ окнамъ и дверямъ,—(проще бы кажется было дѣлать ихъ безъ щелей). Это мало помогло: холодъ въ комнатахъ пробиралъ до костей. А между тѣмъ квартиру мы

имѣли, вообще говоря, прекрасную, въ Россіи дорого пришлось бы платить за такое помѣщеніе. Виноваты марсельскіе обычаи. Печей нѣтъ, а топить каминъ считается роскошью. Мы впрочемъ купили дровъ—смѣсь дуба, миндалянаго и оливковаго дерева, и могли имѣть кое-какое тепло хоть по вечерамъ: топить весь день было бы слишкомъ дорого.

Наконецъ мистраль кончился, но зима уже вступила въ свои права. Странная зима. Въ защищенныхъ садахъ цвѣтутъ розы, на лугахъ за городомъ трава гуще и зеленѣе чѣмъ лѣтомъ, когда она сохнетъ отъ зноя; въ ясные полдни отворяешь окно и солнечное тепло грѣетъ комнату, но какъ только закатъ—холодъ и сырость воцаряются и на улицѣ и въ домахъ.

Незадолго до Рождества пріѣхала ярмарка и раскинула свои балаганы между платанами бульвара неподалеку отъ церкви des Reformés. Въ трехъ балаганахъ продавались вертепы съ младенцемъ на сѣнѣ, фигуры святыхъ, пастуховъ, волхвовъ; также звѣзда, негры изъ свиты волхвовъ, ослики... Все игрушечное.

Передъ праздникомъ у духовныхъ начались хлопоты: устраивали большіе вертепы въ церквахъ,—иногда аляповатые, иногда, наоборотъ, чрезвычайно красивые. Впрочемъ и этотъ обычай, какъ все оригинальное, мало по-малу выводится. Гренобльскіе знакомые спрашивали насъ: „А развѣ въ Марселѣ еще дѣлаютъ вертепы“?

Въ Рождество служатъ ночью, какъ у насъ въ Пасху, и церкви переполнены народомъ. Да, усердны люди къ божественной службѣ и здѣсь. Между тѣмъ, когда пріѣзжалъ Себастьянъ Форъ, краснорѣчивый ораторъ, врагъ христіанства, на его публичныя рѣчи противъ вѣры, сходилась тоже масса народа. Да и нравы марсельцевъ не очень-то согласны съ христіанской моралью. Конечно, есть и вѣрныя жены и честныя, хорошія семейства, и я знала такихъ,—но общій тонъ города: нажива и разгуль,—разгуль крайній. На студенческіе балы честной дѣвушкѣ нельзя показаться. Это, впрочемъ вездѣ во Франціи. Студенческая французская молодежь по большей части *не идейная*. За то и не травятъ, не преслѣдуютъ несогласныхъ во мнѣніяхъ; у всѣхъ между собой дружелюбныя товарищескія отношенія.

Уже послѣ Рождества узнала я о существованіи церкви св. Виктора съ древней криптой и поспѣшила разыскать ее.

У лѣваго берега стараго порта, незамѣтную издали, загороженную постройками, увидѣла я твердыню—бывшее крѣпостью старинное аббатство, съ зубцами поверхъ красивыхъ высокихъ стѣнъ. Стѣны его построены выступами и сложены изъ массивнаго розоватаго камня, снизу почернѣвшаго и изъѣденнаго временемъ. Въ простонародной части города, среди разныхъ складовъ и небогатыхъ буржуазныхъ домовъ, на небольшой площади высится это чудное зданіе „не отъ міра сего“ и сразу переноситъ мысль вашу во глубь прошлаго. Это типичный, суровый, средневѣковый замокъ—монастырь, выдерживавшій осады, выдавшій морскія битвы и огонь пожаровъ. Недаромъ опалены его розовыя стѣны.

Всего больше пострадало Аббатство въ великую революцію. То, что мы видимъ—лишь часть прежняго, можетъ быть, менѣе половины. Остальное было разрушено и сожжено „гражданами“. Но и половина производитъ впечатлѣніе чего-то цѣльнаго, самодовлѣющаго, какъ будто—въ этомъ лишь правда, правда во вѣки, а все окружающее—ничто!

Совсѣмъ низко, сбоку, тяжелая желѣзная дверь ведетъ въ церковь.

Верхняя церковь не возвышается надъ почвой. Она не особенно богатая, довольно мрачная, какъ и прилично монастырской церкви. Темныя иконы, мрамора нѣтъ, скудная мозаика лишь на алтарѣ. Сохранилось королевское мѣсто подъ балдахиномъ, и еще другое—игуменское; тутъ сидитъ мюнсеньоръ епископъ, когда пріѣзжаетъ служить. Въ задней части церкви—старинный органъ на хорахъ: цѣнная и рѣдкая вещь. Есть двѣ статуи епископовъ художественной работы. Бритые, типично-латинскіе; одинъ съ лицомъ благодушнымъ, другой съ ястребинымъ, ядовито-жестокимъ, какъ у великаго инквизитора. Чудная лѣпка: лица, одежды, руки—засмотришься. Близъ алтаря, въ стеклянномъ съ золотомъ кіотѣ лежатъ части мощей св. Виктора, то, что уцѣлѣло.

Отсюда по двумъ лѣстницамъ вы спускаетесь въ крипту.

Аббатство и верхняя церковь—отъ одиннадцатаго вѣка, нижняя—отъ второго. Она и осталась такою, какою была 1700

лѣтъ тому назадъ. Вся подъ землей, оконъ нѣтъ; какія окна? Тутъ ничего не построено, все высѣчено въ каменистой почвѣ. Здѣсь христіане молились и пѣли, собираясь на ночную службу въ тѣ времена, когда rue Sainte, улица, идущая отъ Аббатства параллельно старому порту, служила кровавымъ помостомъ для казней. Да, эта церковь—катакомбы. Она обширна и не низка, въ стѣнахъ много нишъ съ удѣлѣнными гробницами мучениковъ или алтарями. Вѣдь сюда приносили тѣла христіанъ, замученныхъ на rue Sainte, чтобъ отпѣвать и хоронить ихъ... Около нишъ, на камнѣ стѣнъ, сохранились символическія украшенія: рыбы, цвѣты, крестъ, монограммы имени Спасителя, чьи-то лица. Детали всего этого стерты временемъ. Каменные стѣны голы: ни статуи, ни живописи, ни органа. Даже паникадилъ нѣтъ, иконъ тоже. Рѣдкіе газовые рожки, черные, незамѣтные, освѣщаютъ стѣны. И свѣчи, масса свѣчъ. Онѣ тройнымъ рядомъ приставлены къ одной изъ стѣнъ. Къ чести католиковъ—никакими новыми украшеніями не испорчена старина.

Храмъ четвероуголень; массивные столбы посрединѣ поддерживаютъ своды. Въ глубинѣ ризница, обширная тоже, но болѣе низкая, здѣсь облачаются служащіе и отсюда шествіемъ обходятъ храмъ съ пѣніемъ и свѣчами, останавливаясь у алтарей надъ гробницами. Гробницы все древнія, простыя. Позднѣйшія, отъ временъ возрожденія, украшенныя скульптурой, перенесены, какъ я упоминала, въ музей, а тѣла мучениковъ, лежавшія въ нихъ, выброшены и развѣяны.

Въ январѣ здѣсь бываетъ праздникъ и служба въ 3 часа дня. Сколько народа! Спускаясь по узкой каменной лѣстницѣ, видишь внизу точно собраніе древнихъ христіанъ при императорахъ и слышишь ихъ пѣніе: вѣдь здѣсь нѣтъ органа, поетъ хоръ, стоя въ темныхъ одеждахъ у стѣны и невидимый за народомъ. Одна фисъ-гармонія незамѣтно сливается съ хоромъ, и кажется, будто всѣ поютъ. Молящіеся настроены восторженно,—и такъ сильно впечатлѣніе отъ этихъ темныхъ сводовъ, древнихъ священныхъ стѣнъ и гробницъ, что поддаешься благоговѣйно иллюзіи, и не замѣчаешь современной одежды толпы.

Пещера св. Лазаря находится еще ниже крипты, спускаетесь туда, точно въ склепъ. Это—маленькій подвалъ: алтарь—выступъ стѣны; епископское сидѣнье—каменная доска.

Здѣсь мѣсто упокоенія св. Лазаря, просвѣтителя Массиліи, и первая здѣшняя церковь. вмѣстѣ она можетъ человѣкъ десять-двѣнадцать. Рядомъ — еще небольшая усыпальница. Полъ сырой. Отсюда былъ подземный ходъ къ морю, заложенный нынѣ. Мѣстное преданіе говоритъ, что св. Лазарь, другъ Господень, преслѣдуемый Іудеями, приплылъ сюда въ лодкѣ, вмѣстѣ съ своими сестрами, и жилъ въ этой пещерѣ. Доска, служившая епископскимъ мѣстомъ, такъ и называется: le siége de S. Lazare.

Въ этой дивной церкви есть все-таки нѣчто, наводящее смущеніе. Не ради тѣхъ мучениковъ собирается сюда католическая толпа, и не имъ она молится такъ пламенно. По срединѣ крипты, межъ массивныхъ столбовъ, поддерживающихъ сводъ, есть алтарь, убранный по новому, съ цвѣтами и подсвѣчниками. На алтарѣ—маленькая статуя Богородицы изъ чернаго дерева, съ короной на головѣ, въ сидячемъ положеніи. „La Vierge noire“. Передъ ней служатъ, ее почитаютъ. О, что это за статуя! Больно видѣть ее. Безобразна невыразимо, одѣта въ какую-то зеленую кисею... Такими могли быть идолы у дикихъ народовъ. Но этой статуѣ молятся... судить не буду.

Нѣтъ, но что прелестно въ Марсели—это охапки цвѣтовъ, которыя приносятъ въ даръ алтарю на праздники. Ихъ такъ много, что вся церковь наполняется ихъ ароматомъ. При мнѣ внесли такую охапку лилій въ верхнюю церковь Аббатства.

Въ притворѣ здѣсь продаютъ виды Аббатства и крипты, четки, перламутровые образа, изображенія „черной Богородицы“ и стихи въ честь ея. И свѣчи разнаго калибра. На улицѣ—тоже. Площадь во время праздника полна торговыхъ свѣчами; бабы эти съ провансальской развязностью пристають къ вамъ. Свѣчи не дороги; ихъ ставятъ во множествѣ во всѣхъ почитаемыхъ церквахъ. Вокругъ Аббатства всѣ улицы носятъ названія относящіяся къ чему нибудь церковному, есть даже „кафе благословенныхъ хлѣбовъ“—des navettes. Конечно, никакихъ благословенныхъ хлѣбовъ въ кафе вы не найдете.

Хорошо что я успѣла побывать въ криптѣ заблаговременно: въ слѣдующіе дни праздника тамъ было уже слишкомъ тѣсно отъ множества богомольцевъ.

Заходила я послѣ еще разъ, въ обыкновенное время, но въ криптѣ царствовала мертвая тишина подземелья и глубокой мракъ, котораго не могъ побѣдить огонекъ газоваго рожка, зажженный проводникомъ. У стѣны, гдѣ пѣлъ хоръ, теперь стояли въ рядъ мѣшки съ углемъ...

Иллюзія отлетѣла.

А. Купрянова.
